

DOI: 10.19195/0137-1150.163.14

MARINA ROMANIENKOWA

Университет Миколаса Ромериса, Вильнюс, Litwa
romanenkova@mruni.eu

Образы стариков в прозе Александра Куприна: функции и поэтика

Тема нынешней конференции „Великие темы культуры в славянских литературах. Старость” дает интересную возможность вновь обратиться к художественной литературе как источнику основных особенностей духовной и материальной жизни, и с учетом важности философской рефлексии выявить и систематизировать ценностные координаты отраженной картины жизни в аспекте старости.

Философский ракурс предусматривает соотнесение старости с базовыми понятиями „рождение”, „смерть”, „жизнь”, „жизненный путь”, „этап жизненного пути” (Наталья Рыбакова), „смысл жизни”, „страх” (Константин Пигров) для истолкования различных смыслов этого феномена, важнейшим из которых является смысл экзистенциальный. По словам современного исследователя, „квинтэссенцией любого образа старости является то, что его содержание составляет подведение итогов жизненного пути и на этом фоне — обозначение высшего смысла, назначения жизни [...]”¹. Именно на этом этапе проясняется экзистенциальный смысл старости:

она осуществляет внутреннюю связь, обеспечивает внутреннюю сопричастность не только и не столько между поколениями живущими и уже ушедшим из жизни, сколько между поколениями живущими; она раскрывает мудрость жизненного пути человека как основания непрерывности человеческой истории [...]².

Размышляя об образе старика как о человеке как таковом, К. Пигров выявил специфику того, как складываются судьбы старости на основании критерия преобладания одного из двух модусов экзистенциального страха

¹ Н. Рыбакова, *Феномен старости*, Москва-Псков 2000, http://sbiblio.com/biblio/archive/ribakova_fenomen/ [доступ: 8.06.2015].

² *Ibidem*.

(в виду неизбежной смерти): „в модусе боязни, т.е. низкого страха (Furcht) и в модусе высокого страха (Angst), который раньше назывался *страхом Божиим*” [курсив Пигрова — М.Р.]³. Соответственно, в первом случае, старость превращается в жалкое, неудавшееся, конфликтное существование, а во втором, — в существование подлинное, достойное. В настоящей, удавшейся старости в человеке начинает преобладать разумная душа, предопределяющая соответствующую возрасту „модификацию сферы желаний. Желания настоящего старика — это желания разумной души”⁴, обуславливающей приветливость и заботливость старика о других: детях, внуках, учениках. Мир их забот, радости их молодой души составляют главные радости старика, и в этом конкретный смысл любви настоящего старика к детям. „Специфика желаний настоящего старика именно в том, чтобы, как это и свойственно разумной душе, — отдавать, а не брать”⁵. Мудрость поведения старика⁶ проявляется и в том, что каждый свой поступок он видит в контексте прожитой жизни, благодаря чему приходит понимание и осознание смысла поступков, недоступное в другом возрасте. И, наконец, настоящий старик не боится смерти своего тела, поскольку „дух его уже вышел за его пределы и устремлен к другим, дух уже свободен в своей идентификации, и в этом смысле старость есть подлинно духовная жизнь”⁷.

Оригинальный подход, учитывающий личностную сторону общения вообще и стариков — с младшими, в частности, предложил Михаил Эпштейн. Речь о так называемом фрактальном исчислении возраста: „возрасты не только сменяют друг друга, но и повторяются в человеческой жизни. Понимание этого должно усилить *межвозрастную* [курсив Эпштейна — М.Р.] симпатию и переживание, которые обычно распространяются лишь на людей своего возраста”⁸. Между повторяющимися фазами, где ведущим, например, является фрактал старости: старостью зрелости (55–60 лет), старостью молодости (28–29 лет), старостью отрочества (17–18 лет), старостью детства (9–10 лет) может возникнуть более

³ К. Пигров, *Экзистенциальный смысл настоящей старости*, [в:] *Философия старости: геронтология*, сер. „Symposium”, выпуск 24, ред. К.С. Пигров, Санкт-Петербург 2002, <http://anthropology.ru/ru/edition/filosofiya-starosti-gerontosofiya> [доступ: 18.06.2015].

⁴ *Ibidem*.

⁵ *Ibidem*.

⁶ Позитивные особенности реализации образа мудрого старика, согласно теории К. Юнга, заложены уже в архетипе человека: „с одной стороны, старик представляет знание, размышление, пронзительность, мудрость, сообразительность и интуицию, а с другой стороны — такие нравственные качества, как добрая воля и готовность помочь, что делает его «духовный» характер достаточно очевидным”. К. Юнг, *Феноменология духа в сказках*, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Yung/fen_duh.php [доступ: 18.06.2015].

⁷ К. Пигров, *Экзистенциальный...*

⁸ М. Эпштейн, *К философии возраста (Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов)*, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/4> [доступ: 14.01.2016].

глубокая экзистенциальная солидарность, чем между людьми одной горизонтально-возрастной группы⁹.

Экзистенциальные коннотации старости и нюансы экзистенциальной солидарности возрастов приобретают конкретный смысл и эмоциональную окрашенность вследствие связи с характерными мировоззренческими установками, нормами и традициями определенной культуры. Рассматривая русскую культуру как социокультурное образование, Ксения Касьянова в основе ее своеобразия усматривает сложноорганизованную комбинацию социальных архетипов, предопределяющих, в сущности, уникальное моральное чувство, позволяющее человеку внутри своей родной культуры осознавать необходимое ему целеполагание, а именно — ощущать себя на своем месте: „он на своем месте, он знает, *для чего он* [курсив Касьяновой — М.Р.]¹⁰, и тогда жизнь человека обретает смысл. При этом очень важным фактором оказывается модель общения в культуре, и для русской культуры определяющим, по мнению К. Касьяновой, является так называемое „диффузное общение”¹¹, при котором человек отбирает себе друзей и знакомых по принципу: „в каждом человеке значение имеют только твердые и неизменные характеристики его «я»”¹², никакой другой пользы от общения не предполагается. Только в этом случае возникает глубокое и безусловное доверие, „участие в сознании друг друга”. Носитель русской культуры больше всего склонен закреплять себя в своеобразном материале, а именно — *в других людях* [курсив Касьяновой — М.Р.]¹³. В таком доверительном общении вырабатывается культурная ценность душевного согласия, одинаковой оценки, точки зрения бескорыстного участия, которая затем и передается как ценность последующим, прежде всего живущим, поколениям. Рассмотрим, в чем же в произведениях Александра Куприна заключаются особенности целеполагания для стариков, одному из которых принадлежит сентенция: „Чтобы другого человека рассмотреть и понять, нужно первым долгом уметь совершенно забыть о собственной персоне [...]. А это мало кто умеет, уверяю вас”¹⁴ (II, 35).

В данной статье предпринимается попытка описания старческой модели поведения как позитивного взгляда на мир¹⁵. Речь будет идти о характере межличностных отношений, обусловленных бескорыстно-доверитель-

⁹ *Ibidem*.

¹⁰ К. Касьянова, *О русском национальном характере*, Москва 2003, с. 211.

¹¹ Термин „диффузное общение”, введенный в научный оборот Т. Парсонсом, К. Касьянова использует для характеристики особенностей общения внутри групп первичного типа, или культурных общностей (глава 14, *Диффузное общение*, с. 291–309).

¹² *Ibidem*, с. 292.

¹³ *Ibidem*, с. 300, 301.

¹⁴ А. Куприн, *Собрание сочинений: в 2 томах*, Калининград 2005. Цитаты из произведений приводятся с указанием тома и страницы в круглых скобках.

¹⁵ У Куприна есть ряд рассказов, в которых представлены образы стариков с негативным отношением к жизни: *Просительница*, 1895 (сладострастие); *Пиратка*, 1895 (страсть к деньгам и предательство); *Счастливая карта*, 1899 (запойная картежная страсть); *На по-*

ным участием старика к жизненной проблеме молодого человека, ребенка, а в отдельных случаях — экзистенциальной ситуацией в жизни старика. На основе анализа образов стариков в произведениях разных лет — *Олеся*, 1896; *На покое*, 1902; *Белый пудель*, 1903; *Гранатовый браслет*, 1910; *Леночка*, 1910; *Искушение* 1910; *Юнкера*, 1932; *Бредень*, 1933; *Жанета*, 1933 — и некоторых других предполагается выявить основную функцию персонажей: смысловую нагрузку (старость по возрасту, старость по ощущению жизни, старость в ироническом ракурсе восприятия молодыми, старость как экзистенциальное состояние) и участие в сюжете, а также способы „оформления” старости: родственные/неродственные отношения, черты характера и ценности, схема отношений старик и другой — молодой человек, ребенок (иногда собака или кот).

Образы стариков с положительным взглядом на мир Куприн создавал в течение всей своей творческой жизни, и надо признать, что для исследователей его творчества они были как бы заслонены главными героями, такими, как Ромашов, Желтков, Вера Шеина, Бобров, Платонов и другие. В случаях, когда старики по сюжету выдвигались на первый план (*Гранатовый браслет*), их функция в основном рассматривалась в ракурсе нравоописательной проблематики: „Куприн стремился нарисовать образ русского человека старшего поколения, в котором были бы воплощены некоторые из лучших особенностей национального характера”¹⁶. По мере того, как увеличивалась дистанция человеческого и художественного опыта Куприна, в изображении таких героев появлялись разнообразные, оригинальные акценты, которые, как представляется, восходят к устойчивым ценностям русской культуры.

Рассмотрим вначале решение проблемы определения старости как возраста и как внутреннего ощущения. Оговоримся сразу, что слово, или именованное „старик” нередко коррелирует со словом „дедушка” (как редкий инвариант „старуха” и „бабушка”). Сам автор и его персонажи безошибочно распознают когнитивно-дискурсивные возможности их использования: дедушке (бабушке) доверяют, они свои, родные, у них должны быть внуки. В ранних рассказах Куприна старческий статус героев указывался прямо: старик доктор Пирогов (*Чудесный доктор*), дедушка Мартын Лодыжкин (*Белый пудель*), старуха (бабушка) Мануйлиха (*Олеся*) или конкретизировался с помощью минимальных характерных признаков: „Теперь, ставши почти стариком, я иногда перебираю свои пестрые воспоминания” *Славянская душа* (I, 75); „Верьте мне, я уже старик, и, наконец, лгать нет для меня никакого расчета” — *К славе* (I, 97). В рассказе *На покое* героями являются старики-актеры; среди них выделяется один, в чьем характерном облике акцентируются черты смирения и немощи, ассоциирующиеся с христиан-

кое, 1902 (пьянство, гордыня); *Конокрады*, 1903 (воровство); *Мирное житие*, 1904 (анонимное доношение, сплетни, фарисейство).

¹⁶ А. Волков, *Творчество А.И. Куприна*, Москва 1981, с. 254.

ским образом старости, вследствие чего его прозвище *Дедушка* приобретает ет положительные коннотации мягкости, благообразности, святости:

Напротив стояла кровать „Дедушки”, которого, так же как и Стаканыча, весь актерский мир знал больше по этому прозвищу, чем по фамилии. Уже целых три месяца Дедушка не вставал с постели и, обросший белыми мягкими длинными волосами, лежал иссохший и благообразный, напоминая в своей белой рубашке иконописное изображение отходящего угодника (I, 609).

Случаи, когда указывается возраст, с которым у героя-рассказчика или персонажа связывается наступление старости, немногочисленны, но очень интересны вследствие разброса ощущений и мотиваций. В рассказе *Искушение* рассказчик мотивирует возрастом свое новое отношение к жизни: „Позвольте заметить, что мне теперь уж шестьдесят лет. [...] И вот, грешный человек, люблю я на склоне моих дней поразмышлять над жизнью” (II, 35). В рассказе *Бредень* стереотипный критерий старческого возраста подвергается сомнению как несущественный и невольно вызывающий у читателя ассоциации по отношению к герою рассказа „могучему дедушке” (II, 851) Прову Силычу, демонстрирующему необычайную физическую силу и ловкость, с былинными богатырями:

- Да ведь он совсем старик? Куда ему? — сказал с сомнением Воркунов.
- Какое там старик, всего семьдесят годов [...] (II, 850)

А в романе *Юнкера* находим эпизод, в котором Куприн с мягким юмором (не исключено, что и по отношению к своей собственной юности) детализирует возрастные симптомы, иронически обыгрывая стереотипное восприятие старости молодыми, полными жизни героями:

- Поехали бы с нами, господин капитан, — говорит Александров.
- Э-куда мне. Стар.

Довод печальный, но для юнкеров убедительный. Дрозду тридцать шесть лет. Действительно, в эгоистичном измерении юнкеров, это — глубокая старость. Александров, например, твердо решил дожить только до тридцати лет, а потом застрелиться. Стоит ли продолжать жить древним старцем, хладеющим развалиной? (II, 778)

В рассказе *Леночка* признаки старения прочувствованы и осмыслены героем как внутреннее состояние, и такую ситуацию в его жизни можно определить как экзистенциальную:

В свои сорок пять лет он был еще крепким, хорошо сохранившимся мужчиной. Но в его вкусах, чувствах и отношениях к миру совершался какой-то незаметный уклон, ведущий к старости. [...] а главное, — первый признак душевного увядания! — мысль о собственной смерти стала приходиться не с той прежней беззаботной и легкой мимолетностью, с какой она приходила прежде, — точно должен был рано или поздно умереть не сам он, а кто-то другой, по фамилии Возницын, — а в тяжелой, резкой, жестокой, бесповоротной и беспощадной ясности, от которой на ночам холодели волосы на голове и пугливо падало сердце (II, 29). „Да, да, да, это старость, — повторял он про себя и грустно кивал головою. — Старость, старость, старость... Ничего не поделаешь...” (II, 30).

Следовательно, приход старости возможен в разном возрасте, и купринские героини-старички осознают ее по ощущениям: одиночеству, обдумыванию прожитого или неизбежности смерти. Поэтому важным становится мотив преодоления одиночества: некоторые персонажи находят в жизни тех, кого считают внуками, а другие считают такое желание несбыточным.

Одинокими можно считать стариков, у которых никогда не было семьи или детей: Мартына Лодыжкина (*Белый пудель*) и генерала Аносова (*Гранатовый браслет*); но именно они становятся дедушками для неродных детей. Так, „генерал Аносов был боевым товарищем и другом покойного князя Мирза-Булат-Тугановского. Всю нежную дружбу и любовь он после смерти князя перенес на его дочерей” (II, 58), которые считали его своим дедушкой. Маргинальный Мартын Лодыжкин, живший по „чужому пачпорту”, стал дедушкой случайно:

Мальчика он взял пять лет тому назад „напрокат” у забулдыги, вдового сапожника, обязавшись за это уплачивать по два рубля в месяц. Но сапожник вскоре умер, и Сергей остался навеки связанным с дедушкой и душою, и мелкими житейскими интересами (I, 656).

Традиционно внучкой и бабушкой считаются Олеся и Мануйлиха (*Олеся*), несмотря на темное происхождение бабушки (колдуньи, также живущей по „неисправному пачпорту”) и отсутствие, так сказать, семейной предыстории обеих героинь. Однако Мануйлиха в полном соответствии со статусом бабушки готова на любые жертвы ради своей „дочечки, внучечки” (I, 461). По словам Сергея Аверинцева,

Бабушка есть *par excellence* та, которая „жалееет”. Она в каком-то смысле еще больше мать, чем мать, потому что она более надежно удалена от мира страстей и вообще интересов, с чистотой жалости несовместимых: она уже по ту сторону. Порочная, извращенная форма материнской привязанности может стать предметом сатирического изображения, как Простакова в комедии Фонвизина „Недоросль”, но бабушке такая участь не угрожает¹⁷.

Пример межвозрастной симпатии и сближения в силу чувства „экзистенциальной солидарности” (М. Эпштейн) встречается в романе *Юнкера*:

Таким образом и подружились пятидесятилетний, уже заметно тронутый сединами, известный поэт Миртов с беззаботным мальчуганом Александровым. [...] Он был очень одинокий человек. В доме у него никого не было, кроме собаки и старой-престарой кухарки [...] (II, 762)

Одинокими и стариками, потерявшими семью: это Дедушка (*На покое*), не дождавшийся приезда внучки и только перед смертью увидевший ее во сне, это профессор-эмигрант Симонов (*Жанета*). Наиболее интересным представляется мотив осознания не исполнившегося желания стать дедушкой,

¹⁷ С. Аверинцев, *Горизонт семьи. О некоторых константах русского сознания*, „Новый Мир” 2000, № 2, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/2/averin.html [доступ: 10.06.2015].

встречающийся, по крайней мере, в двух произведениях. В рассказе *На покое* смысл жалоб старого актера Славянова, в пьяном раскаянии жалуемого на приход старости, связан не только с наступлением возраста, но и с отсутствием внуков:

— Ведь мне, Саша, голубушка ты моя, шестьдесят пять лет в декабре стукнет. Шестьдесят пять-ать... Цифра!.. В детстве, я помню, начну, бывало, считать свои года и все радуюсь, какой я большой, сколько времени на один счет уходит. А ну-ка, посчитай теперь-то! — неудержимо зарыдал вдруг Славянов. — Дедушка ведь я, маститый старец, патриарх, а где мои внуки, где мои дети? Черт! (I, 619)

Этот же мотив возникает в повести *Жанета*. На фоне всех потерь Симонов сожалеет только об одном:

Господи! Ведь я никогда не испытал и не почувствовал и даже не надеялся когда-нибудь почувствовать тихой бескорыстной радости, которою так мудро и так щедро одаряет судьба дедушек и бабушек, когда все земные, пряные радости отлетают от них. Ах! Я не был дедушкой, не успел... (II, 877)

Смысл старости, далее, раскрывается через реализацию в такой сюжетной функции, как оказание помощи. Старики оказывают помощь в житейских делах: доктор Пирогов спасает жизнь больной девочке и помогает попавшим в беду (*Чудесный доктор*), крестьянин Пров Силыч зимой ныряет в прорубь под лед, чтобы распутать бредень (*Бредень*), дедушка Лодыжкин вместе с внуком участвует в спасении собаки (*Белый пудель*), Мануйлиха изо всех сил поддерживает любимую внучку и Ивана Тимофеевича (*Олеся*). Старики дают важные (мудрые) советы или разъяснения, касающиеся любви (Аносов: „Но ты пойми, о какой любви я говорю. Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире!“ [II, 63], *Гранатовый браслет*) или творчества. Старик-поэт Миртов поощряет литературный дебют юнкера Александрова (*Юнкера*):

— Пгекгасно, мой догогой. Я вам говою: пгекгасно. Зоилы найдут, может быть, какие-нибудь недосмотгы, поггешности или еще что-нибудь, но на то они и зоилы. А ведь красивую девушку осьмнадцати лет не могут испортить ни родинка, ни рябинка, ни царапинка. Анисья Харитоновна, — закричал он, — принесите-ка нам бутылку пива, вспрыснуть новорожденного! Ну, мой добрый и славный друг, поздравляю вас с посвящением в рыцари пера. Пишите много, хорошо и на пользу, на радость человечеству! (II, 762)

Встречается и такая фольклорно окрашенная разновидность помощи, как колдовство (гадания и предсказания). Эти услуги „за деньги“ (I, 436) оказывают молодым мужчинам старухи: Мануйлиха, у которой „все черты бабы-яги, как ее изображает народный эпос, были налицо [...]“ (I, 430), и „старая ведьма“ (II, 860) из рассказа *Ночная фиалка* (1933).

Забота стариков о животных — это форма проявления любви и сочувствия одинокого старика к таким же одиноким существам, и даже предметам. Примечательно, что старикам, которые заводили животных, судьба за-

тем посылала или внука, или детскую дружбу. До встречи с Александровым „у Миртова был огромный трехлетний пес сенбернарской чистой породы, по кличке Друг” (II, 762). Маленький житейский мир дедушки Лодыжкина наполнен любовью:

Дедушка Мартын Лодыжкин любил свою шарманку так, как можно любить только живое, близкое, пожалуй, даже родственное существо. [...] Столько же, сколько шарманку, может быть, даже немного больше, он любил своих младших спутников в вечных скитаниях: пуделя Арто и маленького Сергея (I, 656).

По образному выражению К. Пигрова, настоящий старик „пишет мемуары. Мемуары это самая непосредственная история, история своего тела, души и духа, рассказ о своей жизни как о целом, мемуары, воспоминания. [...] В этом смысле старик – это историк по определению”¹⁸. В анализируемых рассказах мотив воспоминания стариков отличается постоянством, и что примечательно, включает в себя размышления, раскрывающие экзистенциальный смысл старости и жизни вообще, раздумья, выражающие способность души старика к преодолению и нейтрализации потерь и несчастий, к примирению с неумолимым ходом жизни, к объяснению и сохранению важных человеческих ценностей. Кроме того, подобное решение позволяет Куприну высказывать мысли и соображения, соотносимые с чувством принадлежности к русской истории и культурной традиции.

В рассказе *Славянская душа* старик-рассказчик, с симпатией вспоминая украинца Яся, красавца, отличного работника, размышляет, почему Ясю была уготована трагическая судьба? Оказывается, не личные качества Яся, не его загадочные для окружающих поступки были причиной этого, а особый строй души, особая культурная матрица.

Теперь, ставши почти стариком, я иногда перебираю свои пестрые воспоминания и, задерживаясь мыслью над Ясем, каждый раз думаю: какая странная душа, — верная, чистая, противоречивая, вздорная и больная, — настоящая славянская душа, жила в Ясином теле! (I, 75)

Жизненный опыт позволяет философствующему старику-рассказчику (*Искушение*) обнаружить особый смысл в грустной житейской истории и подводит его к размышлениям о судьбе как предопределении.

— Вот вы все говорите: случай, случай... Да ведь в том-то и дело, что на всякий пустячный случай можно взглянуть поглубже. [...] Философом я себя назвать, конечно, не смею: слишком громоздкий титул [...] Но зато прожил я жизнь чрезвычайно большую и весьма пеструю. Видел богатство и нищету, и болезнь, и войну, и утрату близких, и тюрьму, и любовь, и падение, и веру, и безверие. [...] И вот, грешный человек, люблю я на склоне моих дней поразмышлять над жизнью. К тому же я теперь одинок и стар; ночи-то наши стариковские, знаете, какие длинные? А память и сердце сохранили мне живьем тысячи событий — своих и всяческих. Но одно дело

¹⁸ К. Пигров, *Экзистенциальный...*

пережевывать воспоминания, как корова крапиву, а другое — сопоставлять их умно и с толком. Что я и называю философией (II, 35).

Сюжетное участие дедушки Аносова, в прошлом боевого генерала (*Гранатовый браслет*), ограничивается всего несколькими главами (IV–VIII). Он рассказывает внучке Вере несколько историй несчастливой семейной жизни (своей, в том числе), из которых следует, что у генерала сложилось особое мнение о заурядных браках без любви. Но самая важная функция дедушки Аносова — по-старчески, с высоты опыта и возраста, разъяснить Вере смысл любви неведомого ему Желткова. Истолкование этого смысла, как показывают современные исследования, восходит к метафизическому контексту дискуссий начала XX века о русском Эросе¹⁹.

Герою рассказа *Леночка* полковнику Возницыну, говоря словами К. Пигрова, суждено пройти путь от модуса низкого экзистенциального страха смерти до модуса высокого страха Божьего. Возницын не в силах преодолеть депрессивное состояние: „его опустошенная жизнью, очерствелая душа оставалась холодной и неподвижной и не отражала в себе прежней, знакомой печали по прошедшему, такой светлой, тихой, задумчивой и покорной печали...” (I, 30). Встреча с первой любовью, Леночкой, немолодой скромной женщиной и ее молоденькой дочерью возвращает его к жизни: помогает испытать чувство, „очищенное от себялюбия” (II, 35). Ввиду собственной старости и, в конечном счете, смерти новое понимание Возницыным жизни и отношений с близкими людьми можно рассматривать как своего рода философское прозрение:

— Нет, жизнь все-таки мудра, и надо подчиняться ее законам, — сказал он задумчиво. — И кроме того, жизнь прекрасна. Она — вечное воскресение из мертвых. Вот мы уйдем с вами, разрушимся, исчезнем, но из нашего ума, вдохновения и таланта вырастут, как из праха, новая Леночка и новый Коля Возницын... Все связано, все сцеплено. Я уйду, но я же и останусь. Надо только любить жизнь и покоряться ей. Мы все живем вместе — и мертвые и воскресающие (II, 35).

В создании образа старика, профессора Симонова (*Жанета*), Куприн использует сочетание многих указанных выше „старческих” мотивов и функций. Из чего же складывается положительный взгляд на мир одинокого эмигранта Симонова? Найденный полковником Возницыным *modus vivendi* характерен и для профессора: старость, бедность, одиночество — непреложная данность, которую он смиренно принимает: „Профессор уже устал от жизни, хотя продолжал любить и благословлять ее [...]” (II, 866).

¹⁹ А.А. Хван, *Метафизика любви в произведениях А.И. Куприна и И.А. Бунина*, Москва 2002, <http://www.dissercat.com/content/metafizika-lyubvi-v-proizvedeniyakh-i-kuprina-i-i-bunina>; Т.Р. Пчелкина, *Автор и герой в художественном мире А.И. Куприна. Типология и структура*, автореф. дис. канд. филолог. наук, Магнитогорск 2006, http://dissers.info/abstract_281557.html. 2006 и др.

В изображении мотива преодоления одиночества используется та же схема: старик — животное — ребенок. Сначала появляется „полудикий кот — черный, длинный, худой, наглый, — настоящий парижский апаш кошачьей породы [...] Симонов звал его Пятницей” (II, 866), а вскоре профессор знакомится с пятилетней девочкой Жанетой. Отметая досужие домыслы, профессор отстаивает сердечное желание старика заботиться о младшем: „Никого я не хочу ни знать, ни слушать! Что дурного или предосудительного в том, что всем моим сердцем и всеми моими мыслями завладела маленькая милая девочка, живой и нежный французский ребенок” (II, 876). Дорожка дружбой Жанеты, Симонов решает подарить ей игрушку, не считаясь с „грядущей массой расходов” (II, 877) своего нищенского бюджета. Когда Симонов вынужден объяснять французу свое бескорыстное участие в подарке, речь заходит об оттенках и тонкостях разных культурных традиций. Так в отношении персонажей и в образ Симонова вводится новый мотив — мотив национальной самоидентификации на основе принципа этнической корректности с характерной для него сопоставительной схемой „они” — „мы”, впервые использованной Куприным еще в публицистике 1901–1914 годов²⁰. „Один из мусорщиков, господин Антуан, похожий наружностью на грузина, а характером на русского ярославца” (II, 890), со своим набором стереотипов предваряет трогательное признание Симонова.

— О господин, — возражает серьезным тоном Антуан. — Мы, французы, мы очень любим наших детей, и мы никогда не пойдем, с какой стати иностранец, хотя бы жантильбом, вдруг станет дарить нашим детям игрушки. Что у него на уме. Откуда такой странный каприз. Разве у иностранцев нет своих собственных детей.

— Ах, господин Антуан, у меня было двое детей, две девочки. Но теперь их нет, и я никогда уже больше их не увижу. Понимаете ли вы эту тоску по детям. [...] Отсюда и моя чистая, светлая любовь, моя отцовская привязанность к Жанете. [...] Но что же я, бедный дьявол, могу теперь для нее сделать, только подарить ей кое-когда дешевую игрушку.

Господин Антуан растроган словами профессора и особенно его теплым, печальным, душевным тоном (II, 890).

Любопытно, что господину Антуану профессор говорит об отцовской привязанности, что, по его мнению, более убедительно для француза, а своему русскому знакомому — о чувстве дедушки: „Ах! Я не был дедушкой, не успел...” [II, 877].

Этот короткий диалог отсылает к очерку *Париж интимный* (1930), в котором, наоборот, разрушается ряд стереотипных представлений русских о французах, и в частности, об отношении французов к детям:

Говорят, что французы не хотят рожать детей. Нет, в теперешнее сумбурное и зыбкое время они боятся страшной ответственности за ребенка. Но поглядите, ка-

²⁰ С. Кулагин, *Проблема национальной идентичности в прозе А. Куприна*, автореф. дис. канд. филолог. наук, Тамбов 2009, с. 8, 18.

кой любовью, предупредительностью и вниманием окружены в Париже дети — это воистину короли Парижа (II, 652).

Это новое знание преподносится не столько как полезный урок, усвоенный в эмиграции русскими, сколько, что довольно неожиданно, как залог возвращения в Россию. Схема принципа этнической корректности „мы” — „они” трансформируется в схему „мы”, как „они”.

Общая любовь к детям — это любовь к нации. Вот почему я и думаю: что все мы вернемся, и, вероятно, скорее, чем предполагаем и гадаем, — домой, в Россию. [...] Я бы только хотел, чтобы мы, люди простые, памятливые и чувствительные, не забывали твердить: счастлив и крепок тот народ, который привык к мудрой бережливости, который уважает свой дом, который трудится ревностно и отдыхает вовремя, который в детях видит залог будущего здоровья нации. Ведь такие уроки втуне не проходят? (II, 652)

В повести *Жанета* в самой возможности преодолеть расхожий стереотип недоверия француза к иностранцу (русскому), понять общую друг для друга любовь к детям, проникнувшись безыскусной простотой желания старика-русского и искренностью его объяснения, по-видимому, заключена важная для Куприна надежда на преодоление экзистенциального одиночества эмиграции.

Таким образом, для купринского понимания старости как феномена характерны следующие особенности. Понимание старости как возраста раскрывается с помощью разных смыслов. В произведениях, написанных до эмиграции, сохраняются традиционные представления (*Славянская душа, Олеся, На покое, Белый пудель, Гранатовый браслет, Леночка, Испытание*), а в произведениях эмигрантского периода (*Бредень, Юнкера*) встречаются случаи, когда стереотипная маркировка возраста (представления старых и молодых людей о старости) окрашена легкой иронией и юмором, что можно считать проявлением эмигрантской ностальгии Куприна. Существенным представляется ряд устойчивых мотивов в изображении старости на основе жизненного опыта героев: 1) многочисленные испытания и потери — семьи, благополучия, дома, родины; 2) наступление одиночества и желание преодолеть его специфическим купринским способом: стать дедушкой неродным детям; 3) понимание своего старческого целеполагания (К. Касьянова) как необходимого места в жизни, связанного с потребностью в оказании помощи и в тотальной заботе, доходящей до самопожертвования; 4) проявление любви к животным (собакам и котам). Все эти мотивы позволяют говорить о наличии в прозе Куприна образов стариков с светлым позитивным взглядом на мир, что, как представляется, имеет отношение к выражению существенной особенности национальной духовности. Для выражения этой особенности писательница Наталья Курчатова использует емкую метафору — „русская матрица” жизни:

Куприн остался создателем одной из самых характерных и привычных нам „русских матриц”, если не сказать — „русского пространства”. [...] Его книги — это живейший источник смысла, непосредственный отчет о путешествиях, непотребствах и возможностях „русской души”, и готовящимся к визиту в Россию иностранцам стои-

ло бы посоветовать читать не Достоевского или Толстого, а именно Куприна. У него есть все, или почти все, про нас, тогдашних и нынешних: про русскую армию, русско-го мужика, русских воров, чиновников, татар, кавказцев, мятущихся интеллигентов, евреев со скрипочками и без, околочных [...]»²¹.

Добавим — и стариков.

Библиография

- Аверинцев С., *Горизонт семьи. О некоторых константах русского сознания*, „Новый мир” 2000, №2, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/2/averin.html.
- Волков А., *Творчество А.И. Куприна*, Москва 1981.
- Касьянова К., *О русском национальном характере*, Москва 2003.
- Кулагин С., *Проблема национальной идентичности в прозе А. Куприна*, автореф. дис. канд. филолог. наук, Тамбов 2009, <http://cheloveknauka.com/problema-natsionalnoy-identichnosti-v-proze-a-i-kuprina>.
- Курприн А., *Собрание сочинений: в 2 томах*, Калининград 2005.
- Курчатова Н., *Русское пространство Александра Куприна*, [в:] *Литературная матрица. Учебник, написанный писателями, в двух томах*, т. 2, ред. С. Друговойко-Должанская, Санкт-Петербург 2010.
- Пигров К., *Экзистенциальный смысл настоящей старости*, [в:] *Философия старости: геронтология*, сер. „Symposium”, выпуск 24, ред. К.С. Пигров, Санкт-Петербург 2002, <http://anthropology.ru/ru/edition/filosofiya-starosti-gerontosofiya>.
- Пчелкина Т.Р., *Автор и герой в художественном мире А.И. Куприна: Типология и структура*, автореф. дис. канд. филолог. наук, Магнитогорск 2006, http://dissers.info/abstract_281557.html.
- Рыбакова Н.А., *Феномен старости*, Москва-Псков 2000, http://sbiblio.com/biblio/archive/ribakova_fenomen/.
- Эпштейн М., *К философии возраста (Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов)*, magazines.russ.ru/zvezda/2006/4/.
- Хван А.А., *Метафизика любви в произведениях А.И. Куприна и И.А. Бунина*, Москва 2002, <http://www.dissercat.com/content/metafizika-lyubvi-v-proizvedeniyakh-i-kuprina-i-i-bunina>.
- Юнг К., *Феноменология духа в сказках*, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Yung/fen_duh.php.

The images of old people in Alexander Kuprin's prose: Functions and poetics

Summary

The paper deals with the conception and depiction of the positive image of senility in A. Kuprin's prose (works of 1890–1910 and of 1930s). The following functional features of the images of old people are analyzed: 1) the meaning of being old (old people as perceived by the young and the

²¹ Н. Курчатова, *Русское пространство Александра Куприна*, [в:] *Литературная матрица. Учебник, написанный писателями*, т. 2, ред. С. Друговойко-Должанская, Санкт-Петербург 2010, coolib.net/b/136992, с. 15 [доступ: 18.07.2015].

old); 2) the role in the storyline: loneliness and the attempts to overcome it, assistance (providing help / wise advice); philosophical thinking in an existential situation (death, emigration from Russia); as well as the devices of depicting senility (kinship / non-kinship, application of the scheme “an old man + a child + a pet (dog / cat)”). It is concluded that the images of the old comply with the established Russian ideals: “diffuse communication” (K. Kasyanova), love for the Motherland, and due to this the ontological plane is revealed in these works.

Keywords: Alexander Kuprin, senility, image functionality, Russian values

Obrazy starców w prozie Aleksandra Kuprina: sposób przedstawienia i funkcje

Streszczenie

Artykuł ukazuje sposób przedstawienia pozytywnego obrazu starości w prozie Aleksandra Kuprina i rozważa jego znaczenie (utwory z lat 1890–1910). Obrazy starców poddano analizie uwzględniającej semantyczne nacechowanie starości (podejście do starości przez ludzi młodych i starych); udział postaci w fabule: samotność i próby jej przezwyciężenia, okazywanie pomocy (od spraw codziennych do „mądrej rady”); filozoficzne rozważania o sytuacji egzystencjalnej (śmierć, emigracja); sposoby prezentacji starości (stosunki rodzinne i pozarodzinne, wykorzystanie schematu starzec + dziecko + zwierzę: pies lub kot). We wnioskach podkreślono, że obrazy starców w prozie Kuprina łączą się z modelem stałych wartości wyznawanych przez Rosjan. Dzięki wprowadzeniu do utworów postaci ludzi starych, problematyka wzbogacona zostaje o sens ontologiczny.

Słowa kluczowe: Aleksander Kuprin, starość, funkcja obrazu, wartości wyznawane przez Rosjan